

ТОТЕМ И ТАБУ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

С. Б. Пономарёв

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

e-mail: docmedsb@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена тюремных тотемов и табу. Показано, что современная пенитенциарная субкультура, как специфическая социорегулятивная система, охватывающая своим влиянием лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, характеризуется наличием сложной системы табу и тотемов. Исследователями пенитенциарной субкультуры неоднократно отмечалось сходство первобытного и тюремного сообществ. Это явление во многом связано с тем, что в условиях тюремного заключения у человека происходит сужение кругозора, снижение интеллекта, изменяется ценностная ориентация. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на наличие в среде осужденных сложной системы тюремных табу и тотемов, как основных проявлений пенитенциарной субкультуры, генезису и осмыслению данного феномена посвящено крайне небольшое количество научных работ. Целью статьи является анализ феномена тюремных табу и тотемов в пенитенциарной субкультуре. В работе показано, что для образования и сохранения в тюремной среде развитой системы тотемов и табу необходим определенный критический вес таких показателей, как численность тюремного населения и строгость условий содержания заключенных. Важную роль при этом играют также такие явления, присущие пребыванию в пенитенциарном пространстве, как хронический стресс, чувство страха и неопределенности. В статье раскрыты общие принципы образования тюремных тотемов и табу. При этом показано, что ведущими механизмами образования тюремных табу являются приемы симпатической и имитационной магии. Приведены предложенные автором классификации тюремных тотемов и табу. Отмечено, что приверженность осужденного определенному образу-тотему способствует его самоидентификации, определению места в негласной тюремной социальной иерархии, формированию преступной модели поведения. Приведены практические примеры тюремных табу и тотемов. Показано, что тюремные табу во многом связаны с существованием в социальной иерархии тюремного населения каст «неприкасаемых» - «опущенных» и «чучков». Акцентировано внимание читателей на жесткости к нарушившим тюремные табу, которая может проявляться в физическом наказании, переводе в низшие тюремные касты, в ряде случаев – вынесение и осуществление смертного приговора. Практическая значимость работы заключается в осмыслении феномена тюремных табу и тотемов, раскрытие сути которых может повлиять на выработку мер, направленных на борьбу с проявлениями пенитенциарной субкультуры в местах лишения свободы.

Ключевые слова: пенитенциарная субкультура, осужденные, уголовно-исполнительная система, тюремные тотемы, тюремные табу, симпатическая магия, contagiозная магия, тюремные касты.

Для цитирования: Пономарёв С. Б. Тотем и табу в пенитенциарной субкультуре // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 6. – С. 129–137. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-129.

TOTEM AND TABOO IN THE PENITENTIARY SUBCULTURE

S. B. Ponomarev

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

e-mail: docmedsb@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the prisons totems and taboos phenomenon. It is shown that the modern penitentiary subculture, as a negative socioregulatory system is characterized by the presence of a complex system of taboos and totems. Researchers of the penitentiary subculture have repeatedly noted the similarities between the primitive and prison communities. This phenomenon is largely due to the fact that under conditions of imprisonment, a person's outlook narrows, intelligence decreases, and their value orientation changes. The relevance of the study is due to the fact that, despite the presence of a complex system of prison taboos and totems among convicts, as the main manifestations of the penitentiary subculture, a very small number of scientific works are devoted to the genesis and understanding of this phenomenon. The aim of the article is to analyze the phenomenon of prison taboos and totems in the penitentiary subculture. The work shows that for the formation and preservation of a developed system of totems and taboos in the prison environment, a certain critical weight of such indicators as the size of the prison population and the severity of conditions of

detention of prisoners is required. An important role in this is also played by such phenomena inherent in being in the penitentiary space, such as chronic stress, a sense of fear and uncertainty. The article reveals the general principles of the formation of prison totems and taboos. At the same time, it is shown that the leading mechanisms for the formation of prison taboos are the techniques of sympathetic and imitation magic. The author's proposed classification of prison totems and taboos are presented. It is noted that the convict's adherence to a certain image-totem contributes to his self-identification, determination of his place in the prison social hierarchy, and the formation of a criminal model of behavior. Practical examples of prison taboos and totems are given. It is shown that prison taboos are largely associated with the existence in the social hierarchy of the prison population of castes of «untouchables». The attention of readers is focused on the harshness towards those who violated prison taboos, which can manifest itself in physical punishment, transfer to the lower prison castes, in some cases – the death sentence. The practical significance of the work is the understanding the phenomenon of prison taboos and totems, that can affect the development of measures aimed at combating the manifestations of the penitentiary subculture in places of detention.

Key words: *penitentiary subculture, convicts, penitentiary system, prison totems, prison taboos, sympathetic magic, contagious magic, prison castes.*

Cite as: Ponomarev, S. B. (2021) [Totem and taboo in the penitentiary subculture]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 129–137. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-6-129.

Введение

Российская пенитенциарная субкультура представляет собой уникальный культурный феномен [7, 19, 23]. Она характеризуется тем, что обладает развитой системой ритуализации и регламентации поведения человека в условиях ограниченного пенитенциарного пространства. Представляя оппозицию базовой культуре общества, являя собой целостную картину мира, пенитенциарная субкультура проявляется в виде набора идеалов, норм поведения, жизненных ценностей, определенного стиля жизни и, в целом, оформленном представлении о смысле бытия. Ее отличительными свойствами являются закрытость для непосвященных, тайный смысл знаков и символов, жестокость во взаимоотношениях лиц, вовлеченных в пенитенциарную субкультуру, неприятие ценностей традиционной культуры, наличие сложного набора обычаев, символов, условностей и норм поведения [4, 5, 11, 22, 24]. Указанные свойства позволяют отнести пенитенциарную субкультуру к разряду наиболее закрытых и агрессивных контркультур, исходя из существующих взглядов на генез субкультур [3].

Присущая местам лишения свободы изоляция тюремного социума от внешнего мира, социальная депривация ведут к деградации коммуникативных функций к примитивным формам, что делает коллективы осужденных похожими на архаические сообщества [6, 11, 13]. Как считают исследователи, указанное во многом связано и с тем, что лица, отбывающие наказание, в большинстве своем являются носителями маргинального мировосприятия [11]. Как и в примитивном социуме, вовлеченный в пенитенциарную субкультуру человек лишен внутренней свободы, как бы растворен в «Мы» группы, подчинен фиксированным стандартам поведения. Исследователями констатируется, что в пенитенциарной субкультуре наблюдается своеобразный сплав архаического и религиозного мировосприятия

[11], который проявляется в виде сложной системы специфических для мест лишения свободы обычаев, предрассудков, ритуалов и символов [12]. Ученые-пенитенциаристы отмечают как символическое сходство архаичного общества и тюремного социума, так и внутренние структурные их совпадения [15]. Указанная схожесть обусловлена тем, что обе эти социальные модели относятся к примитивным закрытым социальным системам, разрывающимся изолированно, без связей с внешним миром.

Важной составляющей пенитенциарной субкультуры является то, что в ней в том или ином виде наблюдаются феномены тюремных тотемов и тюремных табу [12].

Феномен тюремных тотемов

Общеизвестно, что тотемизм характеризуется наличием веры в сверхъестественное родство между объектами окружающего мира (в большинстве случаев – животными) и членами племени [14]. Согласно общепринятой точке зрения, тотем – это существо, предмет или явление, являющееся объектом почитания группы людей, которые считают его своим покровителем и верят в свое общее происхождение от данного объекта [18].

Явление тотемизма универсально. В той или иной форме оно встречается во всех примитивных культурах [9]. Каждый родовой коллектив, как правило, связывает свое происхождение с неким животным-тотемом, имя которого он носит [21]. При этом члены племени стараются подражать повадкам и характеру животного-тотема, формируя специфические антропологические черты. С точки зрения первобытного человека для того, чтобы быть истинным человеком, полноценной личностью, необходимо максимально соответствовать мифическому первообразу тотемного животного [20].

По мнению Б. Малиновского, тотемизм имеет два аспекта: с одной стороны, это способ социаль-

ного группирования, с другой – проявление религиозной системы верований и обычаев. «Как религия он выражает интересы примитивного человека в его среде обитания, желание заявить о своем родстве с наиболее важными объектами и стремление иметь власть над ними» [10, с. 24].

Тотемизация в местах лишения свободы происходит путем нанесения татуировок, изображающих животное, которое является идеалом преступника, соответствующей криминальной специализации [12]. Татуировка при этом выступает в качестве средства преобразования тюремного сидельца в героя воровского мифа, служит отождествлению преступника с существующим в рамках пенитенциарной субкультуры идеальным первообразом. С помощью татуировки происходит сигнификация личности, ее отнесение к тому или иному фрейму, заранее обозначенной и устойчиво существующей схеме социальных представлений, характерных для пенитенциарной субкультуры. Посредством изображения животного-тотема осуществляется структурирование картины бытия, построение упорядоченной системы представлений о мире, в котором живет член криминального сообщества.

Следует отметить, что за каждым «тюремным тотемом» стоит богатая история, при этом практически все они пришли в пенитенциарную субкультуру из внешней социокультурной среды.

В качестве тотемных животных в пенитенциарной среде наиболее часто можно встретить насекомых (муравей, паук, бабочка, жук, скорпион), млекопитающих (барс, тигр, волк, лев, кот, пантера, медведь), летающих тварей (летучая мышь, орел, сова) а также змею и дракона [12]. Каждому из этих тотемов соответствует свой набор функций, определяющих жизненные установки и поведение преступников.

Так, например, носители изображения застывшей в угрожающем порыве разинутой пасти хищного зверя – льва, тигра, пантеры, медведя и т.д. (татуировка называется «Оскал»), относятся к лидерам отрицательной направленности. Татуировка кота в сапогах («Кот-крадун») отмечает квартирных воров. Это склонные к риску и приключениям авантюристы, артистические натуры, любители красивой жизни и чувственных наслаждений. Обладатели изображения летучей мыши мастера внезапного нападения. Эта татуировка говорит о ловкости и неуязвимости ее носителя. Заключенные, имеющие на теле татуировку «Ликантроп» (волк-оборотень) отличаются независимостью, жестокостью, умом и силой воли. Это убежденные преступники, лидеры криминальных группировок. Паук, сидящий в паутине, – опознавательная метка наркоманов и наркодилеров. Изображением скорпиона отмечается карманник-щипач. Вытатуированная свинья (рисунок нано-

сится насильственно) свидетельствует о том, что ее обладатель относится к лицам, используемым для гомосексуальных контактов.

Таким образом, в местах лишения свободы отмечается существование сложной системы кодировок преступной квалификации и статуса заключенного в стратификационной структуре тюремного сообщества, выражаемая через систему тюремных татуировок-тотемов.

Между тем, исследования показывают, что пенитенциарная субкультура не обладает полноценной системой тотемизма [12]: так, в тюремной среде отсутствуют характерные для примитивных культур ритуалы жертвоприношений и причащения телом мифического отца. Тотемные животные не рассматриваются лицами, вовлеченными в пенитенциарную субкультуру, в качестве божеств или предков. Однако в целом невозможно отрицать наличие примитивного тюремного тотемизма, как специфического явления пенитенциарной субкультуры [12].

Феномен тюремных табу

Вторым феноменом, описанию которого посвящена настоящая работа, являются тюремные табу. Следует отметить, что в работах ученых-пенитенциаристов приведен свод норм запрещающего характера, существующих в субкультуре осужденных [1,2]. Это вполне рациональные правила, направленные на борьбу с режимом исправительного учреждения и сохранение пенитенциарной субкультуры как способа организации преступного сообщества. Согласно этим установкам, заключенному, вовлеченному в пенитенциарную субкультуру, запрещается оказывать помощь персоналу исправительного учреждения, информировать о внутритюремных преступлениях, просить перевода в другой отряд без согласия «смотрящего», оказывать помощь людям, не входящим в воровское сообщество и т.п.

Однако, наряду с этими, достаточно ясными ограничительными правилами, имеется также и довольно обширный набор запретов, носящих иррациональный характер, исключающий сознательную мотивировку их применения. Например, согласно правилам пенитенциарной субкультуры, заключенному запрещается использовать казенные полотенца, трогать паутину, иметь предметы одежды красного цвета, употреблять в пищу бананы и помидоры, ронять мыло и т.п. «С точки зрения здравого смысла свободного общества все эти запреты слабо мотивированы и не имеют причинно-следственной основы» [15, с. 108]. При этом, как и в примитивных культурах, за нарушение тюремного табу следует жесткое, на первый взгляд – неадекватное нарушению, наказание. Это может быть – избивание, перевод в низшие страты «чушковых» и «опущенных», в отдельных случаях – смерть.

Известно, что табу – это запрет на совершение неких действий, основанный на уверенности в том, что их выполнение может магическим образом навредить либо нарушившему табу, либо коллективу, членом которого он является.

Характерный для примитивных культур феномен «табу» впервые был описан на примере племен Полинезии, где запутанная система запретов регламентировала жизнь дикаря от рождения до смерти. При этом исполнение разнообразных, порой нелепых, табу осуществлялось полинезийцами автоматически, бездумно. Подобное мы встречаем и в пенитенциарной субкультуре, где табу «связаны с простейшими действиями индивида, теми, что А. Маслоу относил к действиям, поддерживающим базовые потребности» [15, с. 95].

Феномен табу можно с известной долей условности разделить на две большие категории. Первая касается земного воплощения неких божественных, высших сил. В первую очередь – это личные жреца, вождя, шамана, а также их пища, личные вещи, жилище, храмовые постройки. Перу Д. Фрезера принадлежит следующее описание табу первого рода: «законом запрещалось прикасаться руками к спартанскому царю; никто не смел прикасаться к телу короля и королевы острова Таити; под страхом смертной казни запрещалось притрагиваться к сиаемскому владыке; без особого разрешения никто не имел права прикасаться к королю Камбоджи. В июле 1874 года камбоджийский король выпал из перевернувшегося экипажа. Он без чувств лежал на земле, но никто из его свиты не осмелился к нему прикоснуться» [17, с. 216].

В рамках наблюдения табу первого рода правители и духовные лидеры были ограничены в том, что было позволено рядовым членам общества. Например, жрецу Юпитера в Римской империи запрещалось иметь узлы на платье, прикасаться к лошади, посещать виноградники, произносить имена и т. д. [17]

В пенитенциарной субкультуре табу первого рода характерно для элиты преступного мира: согласно выработанным в советское время нормам, «вор в законе» не должен был: работать, иметь ответственность, состоять в комсомоле, иметь семью, служить в армии, расписываться в документах, читать газеты, носить галстук и т. п. Он обязан был жить без прописки, иметь тюремный опыт, вести аскетический образ жизни и т. п. Любое нарушение данных табу строго каралось. В качестве примера можно привести описанный в литературе случай назначения сходкой воров смертного приговора «вору в законе» за то, что он вслух читал газету [12]. Необходимо сказать также, что в современных условиях, когда отмечается появление генерации «новых воров в законе», многие из классических тюремных табу перестали действовать: титул

«вора в законе» можно ныне приобрести за деньги, не имея тюремного опыта, верхушка преступного мира активно участвует в бизнесе и в политике. Незыблемыми табу для «воров в законе» в настоящее время остаются: запрет на физическую работу в местах лишения свободы и общение с представителями низших тюремных каст.

Табу второго рода суть запреты на предметы и действия, противоположные «священному». Это опасные, вредоносные, проклятые места и объекты (пещеры, болота, кратеры вулканов и т. п.), а также поступки и действия, магическим образом связанные с проявлением инфернальных сил.

В целом система тюремных табу соответствует классической системе, описанной в работе Д. Фрезера «Золотая ветвь» [17]. Нами предлагается следующая их классификация: табу на территорию, табу на грязь, табу на слова, табу на плевки, табу на поднятие вещи, табу на пищу [12].

Табу на территорию. Известно, что в культурах многих народов табуированными считались места с «отрицательной» и «положительной» энергией. В пенитенциарной субкультуре к табуированным территориям относятся места, связанные с пребыванием представителей низших тюремных каст. Это все явления и объекты, так или иначе связанные с тюремной страдой «петухов»: их личные вещи, посуда, кровати, столы, стулья, «петушиные» палаты в санчасти и т. п. В целом пенитенциарное пространство физически разделяется на функциональные сектора, некоторые из которых являются табу для высокостатусных сидельцев. Со страдой «петухов» связано тюремное **табу на грязь**. Согласно представлениям, царящим в пенитенциарной субкультуре, члены тюремной касты «петухов» являются абсолютно нечистыми, это носители передающейся через прикосновение магической негативной энергии. «Перейти в эту касту можно легко и неосторожно, просто прикоснувшись к «петуху», взяв у него какую-то вещь, сев за «петушиный» стол в столовой или на «петушиный» стул в медчасти или парикмахерской и т. п.» ([11, с. 52]. К «петухам» разрешено прикасаться только во время гомосексуального контакта, их нельзя бить руками (только каким-либо предметом или ногами). «Петухам» предписано уступать дорогу другим заключенным, не приближаясь к ним на определенное расстояние. «Петух», «опущенный» – это постоянный объект изощренных издевательств, физического и сексуального насилия. Естественно, что многолетнее тюремное пребывание в статусе «петуха» накладывает неизгладимый отпечаток на личность осужденного. Из мест лишения свободы такой человек выходит нравственно искалеченным, деморализованным, деградировавшим. Как результат – распространение в местах лишения свободы пенитенциарной субкультуры обесценивает исправительный эффект

уголовного наказания, превращая усилия штата тюремных психологов, педагогов и воспитателей в профанирование здравого смысла.

Отношение к страте «петухов» в тюремном обществе во многом напоминает отношение к касте неприкасаемых в древней Индии. «Брахманам нельзя было даже дышать одним воздухом с незаконнорожденным. Даже пересечение тени неприкасаемого считалось осквернением представителей высших каст, поэтому утром и вечером, когда предметы отбрасывают самые длинные тени, хариджанам запрещалось находиться в людных местах» [11, с. 52].

Табу на грязь встречается в пенитенциарной субкультуре повсеместно: так, например, арестантам нельзя спускать воду в унитазе с помощью рук – (однако указанное можно сделать с помощью ноги), им нельзя использовать оброненную ложку или тарелку, даже если ее вымыть (посуда принимает ритуальную нечистоту от контакта с тюремной землей).

Следует сказать, что ритуальное табу на принятие нечистоты является общим для подавляющего большинства существующих культур. Л. Леви-Брюль писал по этому поводу: «Идеи скверны, нечистоты, чистоты, очищения и другие им подобные тесно связаны для первобытных людей с идеями враждебности или благосклонности неведомых сил и добрых и злых влияний, с началом и окончанием их действия, а следовательно, с идеями счастья и несчастья» [8, с. 509].

Следующее тюремное табу – **табу на плевки** также представляет собой аналог табу, наблюдающегося в архаических культурах. «Страх перед колдовством, который заставил многие народы прятать или уничтожать остриженные волосы и ногти, побудил другие (да и те же) народы так же обращаться и с плевками. Слюна, в соответствии с принципами симпатической магии, составляет часть человека, и все происходящее с нею оказывает на человека воздействие» [17, с. 228]. Исходя из описанного механизма формирования данного табу, арестант, плюнувший на пол тюремной камеры, автоматически переводится в низшую тюремную страту [12].

Существует в пенитенциарной субкультуре и **табу на определенные слова**. Как отмечает Д. Фрезер: «Первобытный человек, не будучи в состоянии проводить четкое различие между словами и вещами, как правило, воображает, что связь между именем и лицом или вещью, которую оно обозначает, является не произвольной и идеальной ассоциацией, а реальными, материально осязаемыми узлами, соединяющими их столь тесно, что через имя магическое воздействие на человека оказать столь же легко, как через волосы, ногти или другую часть его тела» [17, с. 235.]. Автором приводятся факты табу на слова у племен африканских и австралийских аборигенов, американских индейцев,

жителей Египта, Индии, Океании и т. д.

При реализации табу на отдельные слова в местах лишения свободы запрещено употреблять в речи все, что связано с низшими тюремными кастами (например, такие слова, как «курятник», «рога», «кукарекать», «гребень» и т. п.). Название игры «козел» по этой причине заменяется на «сто одно», «очко» – на «двадцать одно». Нельзя проносить слово «обидеть» (на тюремном сленге обозначает: совершить насильственный акт мужеложества). Табуированными являются слова, связанные со следственными действиями. Так, слово «свидетель» следует заменять на «очевидец», слово «спросить» (т. е. «обвинить») – на «поинтересоваться», «садись» (ассоциация – «посадить в тюрьму») – на «присаживайся».

Существует в пенитенциарной субкультуре и табу **на поднятие вещи**. Негласные тюремные правила запрещают осужденному поднимать любую вещь, оброненную другим осужденным. Здесь также прослеживается аналогия с правилами, царившими в средневековом кастовом индийском обществе. Если представитель высшей касты брахманов обронил на землю мусор, ненужную ему вещь, то поднимать ее он не станет – для этого есть члены низкостатусной джати уборщиков – бханги. Так и в местах лишения свободы – заключенный, поднявший с пола некую вещь, признает свое зависимое положение в социальной тюремной иерархии, покорность тому, кто эту вещь обронил.

Роль магических приемов в формировании тюремных табу

Известно, что в основе формирования табу лежат механизмы т. н. симпатической магии, которая представляет собой ошибочное использование простейших логических операций: ассоциации действий по сходству и ассоциации действий по смежности [16, 17]. Традиционно выделяют два основных вида магии: гомеопатическую (симиальную, имитативную) и контактную (контагиозную). «Гомеопатической, или имитативной, магией можно назвать колдовские приемы, основанные на законе подобия. Контагиозной магией могут быть названы колдовские приемы, основанные на законе соприкосновения или заражения» [17, с. 19].

В качестве примера реализации механизма гомеопатической магии в пенитенциарной субкультуре можно рассмотреть тюремное табу на бананы.

Так как этот овощ похож на мужской половой орган, то его поедание ассоциируется в сознании носителей пенитенциарной субкультуры с иррумацией и, следовательно, с переходом употребившего банан в пищу в низшую тюремную касту «петухов». Аналогичным образом в некоторых детских воспитательных колониях формируется табу на употребления в пищу колбасы и сосисок.

Этот же логический прием имитативной магии используется в тюремном табу на питье воды из крана, установленного в бачке для питьевой воды. В данном случае кран ассоциируется с мужским половым органом, а само питье воды – с оральным сексом. Принцип имитативной магии используется и при табу на упавшую на пол посуду: поевший из нее (даже если посуда потом помыта) становится «опущенным» (т.е. опустившимся к полу для поднятия посуды).

Второй вид магии (контагиозная или парциальная магия) предполагает наличие некоей сверхъестественной силы, с помощью которой негативная энергия может передаваться от одного человека к другому. «Первобытный человек придерживается мнения, согласно которому, слова и вещи, подобно людям временно или постоянно заряжены, наэлектризованы таинственной силой табу» [17, с. 216]. В качестве примера реализации принципа контагиозной магии можно рассмотреть тюремное табу на принятие пищи во время пользования камерной «парашей». «Если кто-либо из заключенных справляет свою нужду, то в этот момент прием пищи всеми сокамерниками запрещен. Если же это случайно произошло, необходимо чем-нибудь (например – газетой) прикрыть еду (акт т.н. апотропеической магии или магии защитного действия). Если этого не сделать – все неприкрытые продукты подвергнутся воздействию некоей магической силы, придут в негодность, превратятся в т.н. «форшмак». Тот же, кто впоследствии рискнет употребить «зашкваренные» продукты примет на себя ритуальную нечистоту, «законтачится» и, тем самым, перейдет в низшую тюремную касту» [12, с. 97].

Генезис феномена тюремных табу и феномена тюремных тотемов

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о существовании определенных закономерностей, объективных механизмов, индуцирующих сходные механизмы формирования табу и тотемов в различных социо-культурных образованиях (в т.ч., как показано в настоящей работе, и в пенитенциарной субкультуре). Очевидно также, что существует некая планка, критическая масса, за превышением которой возникают условия для появления и закрепления в культуре устойчивой системы специфических тотемов и табу. По нашему мнению, для тюремного социума такими критериями являются: 1) численность лиц, отбывающих наказание (максимум для нашей страны – 2 миллиона 756 тысяч заключенных в 1950 г.) и 2) тяжесть условий отбывания наказания. Для обоих этих параметров характерна прямая зависимость между их количественными показателями и степенью развитости в тюремной субкультуре систем табу и тотемов. Указанное является примером реализации

закона перехода количественных изменений в качественные: чем выше цифры тюремного населения, тем больше в тюремной среде наблюдается разного рода тотемов и табу, чем строгостнее условия содержания осужденных, тем выше их вовлеченность в тюремную субкультуру, выше неукоснительное, даже фанатичное, следование неписанным правилам субкультуры осужденных.

Указанное утверждение основано на анализе динамики особенностей проявлений тюремных табу и тотемов в их корреляции с динамикой тюремного населения России и динамикой режима содержания заключенных [12].

Немаловажным фактором, способствующим генерации и самовоспроизведению системы тюремных табу и тотемов, является психологическая обстановка в местах лишения свободы. Доминирующими чувствами заключенных являются депрессия, страх, чувство неопределенности. Страхом пропитано все, что касается личности арестанта: страх результатов следственных действий, страх ожидания вердикта суда, страх исполнения приговора, страх физического и сексуального насилия и т.п. Отсутствие информации, неуверенность, подавленное психологическое состояние мешают человеку объективно оценить ситуацию, построить стройную картину мира. А свойственные местам лишения свободы различные виды депривации (депривация психологическая, социальная, двигательная, информационная и т.д.) являются мощными стрессогенными факторами, негативно влияющими на личность заключенного, нарушающими его социализацию, способствующими его умственной и моральной деградации. Подобно дикарю, пребывающему во враждебном и непонятном мире, в котором невозможно или достаточно сложно выявить причинно-следственные связи между явлениями природы и бытом члена племени, человек, оказавшись в местах лишения свободы, начинает прибегать к простейшим и, заметим, часто ложным логическим действиям, объясняющим, по его мнению, связи между различными фактами тюремной жизни и, следовательно, дающими ему возможность неким магическим образом воздействовать на ситуацию. Так приемы симиальной магии, основанной на принципах индуктивного логического процесса, порождают иррациональные, часто – дикие и неприемлемые для нормального человека тюремные табу.

Потребность определить свое место в тюремном социуме и свой статус в иерархии тюремных страт (т.н. «масть») ведет к появлению феномена тюремного тотема – созданию идеального образа, воплощенного в виде татуировки, следование которому облегчает самоидентификацию личности и определяет линию поведения заключенного в местах лишения свободы.

Небезынтересно также, что раз возникнув, тюремные табу и тотемы, надолго становятся устойчивыми феноменами, представляя собой организационную форму воспроизводства социальности за счет саморепликации их в новых поколениях арестантов.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что длительное пребывание в непредсказуемой и стрессогенной тюремной среде, скатывание интересов к удовлетворению витальных потребностей, страх и неуверенность в завтрашнем дне порождают формирование примитивных тюремных тотемов, магических приемов и табу, свойственных пенитенциарной субкультуре.

Выводы

1. Современная пенитенциарная субкультура характеризуется наличием сложной системы табу и тотемов, общие принципы образования которых соответствуют принципам, существующим в примитивных человеческих сообществах.

2. Для появления развитой системы тюремных тотемов и табу необходим определенный критический вес таких показателей, как численность тюремного населения и строгость условий содержания заключенных. Основными элементами,

формирующими многочисленные тюремные табу и тотемы, являются криминальное мировосприятие, тюремная социальная депривация, пенитенциарный стресс, страх за собственную жизнь и судьбу.

3. Среди тюремных тотемов наиболее часто можно встретить насекомых (муравей, паук, бабочка, жук, скорпион), млекопитающих (барс, тигр, волк, лев, кот, пантера, медведь), обитателей воздуха (летучая мышь, орел, сова) а также змею и дракона. Подражание осужденного определенному образу-тотему позволяет ему определять свое место в тюремном социуме, формировать модель поведения в условиях отбывания наказания.

4. Среди тюремных табу можно выделить следующие: табу на грязь, табу на территорию, табу на плевки, табу на слова, табу на пищу, табу на поднятие вещи. Нарушение тюремных табу предусматривает физическое наказание, перевод в низшие тюремные страты «опущенных» и «чучков», в ряде случаев – смерть.

5. Условием генерации тюремных табу следует признать специфическое мировосприятие заключенных, их приверженность устоям тюремной субкультуры. При этом ведущими механизмами образования тюремных табу являются приемы имитативной и контактиозной магии.

Литература

1. Барабанов Н. П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 2. – С. 28–36.
2. Барабанов Н. П., Михайлин В. В., Моисеев Н. Д. Понятийная характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3 (21). – С. 16–23.
3. Беляев И. А., Беляева Н. А. Культура, субкультура, контркультура // Духовность и государственность. Сборник научных статей. Выпуск 3; под ред. И. А. Беляева. – Оренбург: Филиал УрАГС в г. Оренбурге, 2002. – С. 5–18.
4. Громов В. Г. Российская криминальная субкультура: философский аспект // Теология. Философия. Право. – 2017. – № 2. – С. 44–57.
5. Иванова А. А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 671–681.
6. Кабо В. Р. Структура лагеря и архетипы сознания // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 108–113.
7. Кузьмин С. И. Становление и развитие криминальной субкультуры в России // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 3. С. 9–16.
8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 608 с.
9. Леви-Строс К. Тотемизм сегодня/ М.: Академический проспект, 2008. – 520 с.
10. Малиновский Б. Магия, наука, религия/ М., 1998. – 312 с.
11. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем/ Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2017. – 144 с.
12. Пономарев С. Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ Ижевск: Изд-во ИжГТУ имени М. Т. Калашникова, 2021. – 160 с.
13. Самойлов Л. (Л. С. Клейн) Этнография лагеря // Советская этнография. – 1990. – № 1. – С. 96–108.
14. Соколова З. П. Животные в религиях/ СПб.: Лань, 1998. – 285 с.
15. Тищенко Н. В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре/ Саратов: ООО «Издательский Центр «Наука», 2012. – 184 с.
16. Токарев С. А. Ранние формы религии/ М.: Политиздат, 1990. – 545 с.
17. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии/ М.: Политиздат, 1983. – 703 с.

18. Фрейд З. Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии/ М. : Азбука, 2018. – 256 с.
19. Шестак В. А., Дуничкина А. П. Тюремная субкультура как культурологический феномен в России // Образование и право. – 2019. – № 6. – С. 23–28.
20. Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения/ СПб: «Университетская книга», 1999. – 352 с.
21. Юнг К. Г. Архетип и символ/ М. : Канон, 2015. – 516 с.
22. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison/ Paris: Gallimard, 1975. – 328 p.
23. Piacentini L., Pallot J. «In Exile Imprisonment» in Russia // Br J Criminol. – 2014. – № 1(54). – P. 20–37.
24. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // Theoretical Criminology. – 2015. – № 2 (19). – P. 179–197.

References

1. Barabanov, N. P. (2014) [Criminological and psychological characteristics of the criminal subculture of convicts]. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo* [Criminal executive law]. Vol. 2, pp. 28–36. (In Russ.).
2. Barabanov, N. P., Mikhailin V. V., Moiseev N. D. (2015) [Conceptual characteristics of the criminal subculture of convicts]. *Ugolovno-ispolnitelnoe pravo* [Criminal executive law]. Vol. 3, pp. 16–23. (In Russ.).
3. Belyaev, I. A., Belyaeva, N. A. (2002) [Culture, subculture, counterculture] *Duhovnost' i gosudarstvennost' . Sbornik nauchnykh statej* [Spirituality and statehood. Collection of scientific articles]. Vol. 3, pp. 5–18. (In Russ.).
4. Gromov, W. G. (2017) [Russian criminal subculture: philosophical aspect] *Teologiya. Filosofiya. Pravo* [Theology. Philosophy. Right]. Vol. 2, pp. 44–57. (In Russ.).
5. Ivanova, A. A. (2017) [Criminal culture as a determinant of crime]. *Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal* [All-Russian criminological journal]. Vol. 4, pp. 671–681. (In Russ.).
6. Kabo, V. R. (1990) [Camp structure and archetypes of consciousness] *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. Vol. 1, pp. 108–113–681. (In Russ.).
7. Kuzmin, S. I. (2018) [Formation and development of the criminal subculture in Russia]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction]. Vol. 3, pp. 9–16. (In Russ.).
8. Levy-Bruhl, L. (1994) *Sverh' estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Supernatural in primitive thinking]. Moscow: Pedagogy-Press, 608 p.
9. Levi-Strauss, K. (2008) *Totemizm segodnya* [Totemism today]. Moscow: Academic prospect, 520 p. (In Russ.).
10. Malinovsky, B. (1998) *Magiya, nauka, religiya* [Magic, science, religion]. Moscow, 312 p.
11. Ponomarev, S. B. (2017) *Kriminalnaya subkultura s pozicii ehtologii cheloveka i teorii sistem* [Criminal subculture from the perspective of human ethology and systems theory]. Publ.house. ISTU, 146 p.
12. Ponomarev, S. B. (2021) *Analiz triady «arhetip-totem-tabu» v penitenciarnoj subkul'ture* [Analysis of the «archetype-totem-taboo» triad in the penitentiary subculture]. Publ. house. ISTU, 160 p.
13. Samoilov, L. (L. S. Klein) (1990) [Ethnography of the camp]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. Vol. 1, pp. 96–108. (In Russ.).
14. Sokolova, Z. P. (1998) *Zhivotnye v religiyah* [Animals in religions]. SPb.: Lan, 285 p.
15. Tishchenko, N. V. (2012) *Interpretaciya tyuremnoj subkul'tury v otechestvennoj hudozhestvennoj kul'ture* [Interpretation of the prison subculture in the national artistic culture]. Saratov: Publishing Center Science, 184 p.
16. Tokarev, S. A. (1990) *Rannie formy religii* [Early forms of religion]. Moscow: Politizdat, 545 p.
17. Frazer, D. D. (2018) *Zolotaya vetv'* [The golden bough]. Moscow: Azbuka-Atticus, Colibri, 702 p.
18. Freud, Z. (2018) *Totem i tabu: Psihologiya pervobytnoj kul'tury i religii* [Totem and taboo: Psychology of primitive culture and religion]. Moscow: Azbuka, 256 p.
19. Shestak, V. A. (2019) [Prison subculture as a cultural phenomenon in Russia]. *Obrazovanie i pravo* [Education and law]. Vol. 1, pp 24–27. (In Russ.).
20. Eliade, M. (1999) *Tajnye obshchestva. Obryady iniciacii i posvyashcheniya* [Secret societies. Rites of initiation and dedication]. St. Petersburg: «University book», 210 p.
21. Jung, K. G. (2015) *Arhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow: Canon, 214 p.
22. Foucault, M. (1975) *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard, 328 p.
23. Piacentini, L., Pallot, J. (2014) «In Exile Imprisonment» in Russia. Br J Criminol. Vol. 1(54), pp. 20–37.
24. Piacentini, L., Slade, G. (2015) Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*. Vol. 2 (19), pp. 179–197. (In Engl.).

Информация об авторе:

Сергей Борисович Пономарёв, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0002-9936-0107, **Researcher ID:** I-2905-2018

e-mail: docmedsb@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 04.08.2021; принята в печать: 11.11.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sergey Borisovitch Ponomarev, Doctor of Medical Sciences, Professor, chief Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0002-9936-0107, **Researcher ID:** I-2905-2018

e-mail: docmedsb@mail.ru

The paper was submitted: 04.08.2021.

Accepted for publication: 11.11.2021.

The author has read and approved the final manuscript.